

ХУДОЖНИК ALLA

Не первый раз пишу я об этой удивительной женщине. И все равно волнуюсь, поскольку не могу воспринимать ее отстраненно, объективно, беспристрастно. Ибо в ней гармонично сочетаются ум, красота и талант, что, согласитесь, само по себе уже невероятно. И тем не менее, добрые феи, в свое время стоявшие над ее колыбелькой, явно постарались.

Kому много дано, с того много спросится... Это тоже про нее, про Аллу. Про художницу Аллу Сапожникову, которая разорвала свою жизнь на три страны, три периода и, как мне кажется, сейчас стоит на пороге нового. Каким точно он будет, предсказать невозможно. Но то, что будет он наполненным, очевидно. Наполненным счастьем творчества, новыми встречами и радостным покоем. Точнее, ощущением внутренней гармонии, столь необходимым творческому человеку.

– Алла, признайся, как ты себя определяешь: как художниКА или художниЦУ? Есть ли разница между этими понятиями?

– Да. Есть. Особенno это чувствуется здесь, в Америке. Я думаю, что я художник, а меня воспринимают как художницу.

– То есть в тебе видят красивую женщину, и ты хочешь сказать, что это плохо?

– Во мне видят в первую очередь женщину, а я хочу, чтобы во мне в первую очередь видели художника. У меня бывают такие ситуации, когда приходишь куда-то по поводу работы, а тебя воспринимают как женщину, за которой хотят, к примеру, похаживать. И меня это жутко, признаюсь, бесит. Я порой бурно реагирую, бывает, рву контакты. Думаю, что если бы к тем же людям пришел такой же, как я, художник с теми же работами, но был бы мужчиной, то реакция была бы иной.

– Считаешь, тебе бы легче жилось, если бы ты была не такой красивой, яркой, как есть, а серой мышкой?

– Знаешь, вопрос красоты – сложный вопрос. Если у женщины есть желание быть ухоженной, красивой, то она обязательно будет ею. Любая. С

определенного возраста, когда уже нет очарования юности, женщина начинает больше за собой следить, как бы себя шлифовать. Так что степень красоты и эффективности зависит уже исключительно от желания, вкуса и умения быть строгой к себе. И в то же время от степени любви к самой себе. Но если женщина не любит окружающих, то она не любит и себя.

– Насколько степень любви к себе связана с творчеством?

– В тот момент, когда работаешь, рисуешь, то желательно быть почти в рубище. Все, кроме того, что делаешь, становится неважно. А когда ты выходишь на люди, как на сцену, то начинаешь украшать себя, то есть закручиваешь вокруг себя некую спираль.

– Если уж говорить о жизни, как о сцене, то ты, на мой взгляд, блестящий режиссер такого театра. Обожаешь театральные эффекты, любишь примерять на себя разные образы. Я никогда не знаю, в каком облике я тебя увижу: то ли женщиной-вамп, то ли Дюймовочкой. А, может, Дианой-охотницей... Ты не мечтаешь, например, сняться в кино?

– Больше! Я мечтаю снять кино! И скоро, кажется, у меня будет возможность заняться тем, чем я мечтала всю жизнь заниматься. А мечтала я именно заниматься кино. А если конкретнее, то очень хочу снять клип. Знаешь, бывают замечательные клипы, такие сюрреалистические, необыкновенные. У меня все время было ощущение, что я могу это делать. И вдруг какое-то время назад мне позвонили и пригласили в качестве художника принять участие в съемках клипа на песню певца Марка Мермана. И после того, как я поучаствовала в этом творческом процессе как художник, точно поняла, что хотела бы сама придумать и снять клип. От и до. Кстати, я уже начала это. Снято примерно 5 процентов. Для того, чтобы доснять еще 95, ты понимаешь, нужны средства. Ищу спонсоров.

– Что это будет за клип?

– Клип на песню Марка Мермана. Называться будет «Лютня», а, может, «Мастер». Там замечательная музыка и замечательные слова. Идея в том, что мастер переходит из века в век, а его мастерство неизменно остается при нем. Иван Александрович Менджерицкий как-то сказал мне, что так, как художник снимет клип, не снимет никто. И если мне удастся осуществить задуманное, это будет просто волшебство. Вообще, когда создаешь клип, чувствуешь себя волшебником.

– Я понимаю, что ты можешь придумать все очень здорово. Но еще нужен, скажем, оператор...

– Конечно, здесь нельзя обойтись без оператора. Меня жизнь свела, к счастью, с прекрасным оператором Федором Добронравовым. Он снимал фильм «Неуволимые мстители». Потрясающий профессионал. Мне очень повезло. Мне вообще везет на лю-

allaart.com

ФОТО НИКОЛАЙ КОМИСАРОВ

дей хороших, знаешь ли... И в России, и во Франции, и в Америке. Владелец "Le Monti" Гарик Злотник – один из них. Он удивительный, очень творческий человек. Сейчас, кстати, он пригласил меня оформить кафе на втором этаже своего магазина. Называется оно будет "Миниатюра", и висеть там будут мои миниатюры. Таких людей встречать в жизни – счастье.

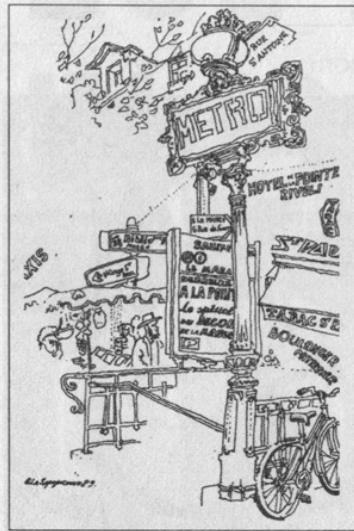
– Словом, как любому творческому человеку, живется тебе...

– ...Хорошо. Считаю свою жизнь очень счастливой, поскольку кто еще, как не свободный художник, может позволить себе свободу выбора? Такое бывает в жизни редко.

– О чём ты сейчас мечтаешь просто по-жизненски?

– Мечтаю опять поехать в Париж. Этот город словно бы зовет меня. Туда меня тянет даже

больше, чем в Москву. Тянет к людям. У меня там были замечательные друзья, которых я давно не видела. Хотя, возможно, мы всегда стремимся к тому, что в данный момент отсутствует... Ты, как журналист, как пишущая женщина, поймешь меня. Ведь пишущая женщина – всегда думающая женщина.

– Ну спасибо на добром слове... Знаешь, я заметила, что тебя тоже очень привлекает слово. Ты порой вплетаешь целые тексты в свои картины...

– Действительно, для меня слово очень важно, ты права. Ведь «Вначале было слово. И слово было Бог». Мне кажется, что в древности слова были гораздо более значимы, чем сейчас. А вообще думаю, что основа всех цивилизаций – некая магия, когда человек владел и рисунком, и знаковой системой, и жестом, и танцем. И сказанное слово было более ответственно и значимо, чем все остальное.

– Поэтому-то ты, наверное, стремишься к театру, ведь театр – искусство синтетическое. В нем есть и то, и другое, и третье. Позволь очень личный вопрос. Какое место занимает в твоей жизни любовь?

– Любовь бывает разная. И к творчеству, и к ребенку, и даже к футболу... Это слишком общее понятие.

– Еще и к выпиливанию лобзиком бывает... Нет, я имею в виду не это... Ладно, не любовь, а скажем так, насколько для тебя важна влюбленность, которая необходима, как известно, каждому творческому человеку?

– Состояние влюбленности – состояние необычайного подъема. Это очень приятно и наполняет жизнь до краев. Но невозможно находиться все время в таком состоянии. Периоды подъема сменяются ровными, спокойными периодами. Я сейчас читаю Лао Цзы, и мне близка его мысль о том, что истребив желания, ты получаешь покой. В том смысле, что наша страсть и желания бесконечны, но если ты научишься их смирять, то обретешь покой.

– Мы часто тешим себя иллюзиями... Кстати о Лао Цзы. Помнишь притчу о том, что Лао Цзы приснилась бабочка. И, проснувшись, он никак не мог понять, то ли он Лао Цзы, которому приснилась бабочка, то ли он бабочка, которой снится, что она Лао Цзы...

– Да, оттого, как мы видим, или нам кажется, что видим, зависит все. И в том числе наше счастье или несчастье. Сны – это параллельный мир, иногда более реальный, чем настоящий. Мне может присниться что-то из будущего, что потом на самом деле происходит.

– Насколько важно творческому человеку встретить понимание противоположного пола? Чтобы при этом и влюбленность не исчезла?

– Трудно это. Но бывают исключения. И исключительные отношения. Если взять отношения Сальвадора Дали и Гала – это, как мне кажется, был постоянный подъем. Даже полет, скорее.

– Мне кажется, мужчине-художнику легче встретить подругу и музу в одном лице, чем женщине-художнице друга, преданного и всепонимающего...

– Я имела счастье встречать таких людей, людей, которые поддерживали меня. И в такие периоды, находясь рядом с ними, я испытывала сильнейший творческий подъем. Самое важное, чтобы человек, который рядом с тобой, понимал ту степень концентрации, которая необходима тебе во время работы. Ведь в эти моменты мир полностью уходит. Точнее, ты от него уходишь.

– В каком мире живет художник, вынужденный заботиться и о хлебе насущном?

– Я думаю, что любой художник, который имеет возможность заниматься своим делом – изначально очень счастливый человек. И живет в счастливом мире. Он позволяет себе заниматься тем, чем хочет, независимо от среды обитания и ситуации. Я думаю, что это дается Господом, как Дар, и нужно быть за это благодарным.

– Алла, почему известных художников-женщин меньше, чем мужчин?

– Наверное, потому что женщины сложнее решиться посвятить себя полностью творчеству. На самом деле выиграть творческую судьбу, это все равно, что выиграть лотерею. Нужен целый комплекс вещей, порой не сочетаемых. Это далеко не все могут выдержать. Тебя должны вести везение, образование, учителя и просто линия судьбы. Твоя счастливая звезда.

– Говорят, что счастье – это отсутствие несчастья. Ты согласна?

– Счастье – это полет.

Наталья Белая – за годы своей журналистской практики пронтервьюировала несколько сотен интересных и известных людей. Она любит и умеет принимать гостей редакции.

